

КЛАССИЧЕСКАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Афинская демократия не породила собственной письменной политической теории, — во всяком случае, в развитой форме. Ее сторонники манифестировали свои ценности посредством устного дискурса. Важными элементами такого дискурса были, например, сколии и надгробные речи. Устная историческая традиция, особенно в V в. до н.э., являлась одной из интегральных частей демократической идеологии.

Ключевые слова: Афины, демократия, устная традиция, политическая идеология, сколии, надгробные речи, история, Геродот, Гармодий и Аристоклитон.

В мировой историографии последних десятилетий одно из популярных и даже «модных» направлений — изучение устной истории («oral history»). Исследования, проводившиеся в этой сфере, продемонстрировали, что устная историческая память весьма отлична от той, которая зафиксирована в письменных источниках; она пользуется своеобразными механизмами и обладает весьма специфическими особенностями.

Так, показано¹, что в устной памяти даже важнейшие события сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера. Более того, столетие аутентичной передачи — это еще один из самых лучших возможных вариантов, реализующийся в тех случаях, когда факт, о котором рассказывается, не вызывает прагматической заинтересованности того или иного рода у последующих поколений

¹ Этапной в данном отношении стала известная работа: *Vansina J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. London, 1965.* Применительно конкретно к античной Греции см.: *Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70; Суриков И.Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть I // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11. С. 9.*

(но такие факты — именно в силу названного фактора — редко и запоминаются).

В тех же случаях, когда событие оказывает влияние на будущее, его передача устной традицией значительно раньше, едва ли не сразу, становится тенденциозной. Например, поступательной и интенсивной мифологизации подвергались образы раннегреческих законодателей². И данное обстоятельство вполне понятно: греческие полисы на протяжении еще многих веков жили по законам, введенным этими деятелями, иными словами, их фигуры оставались актуальными. А достоверных данных о них существовало очень немного. И поскольку, как известно, «свято место пусто не бывает», место фактов в последующем восприятии занимали красивые построения «вторичной мифологии».

В частности, в Афинах постоянно — по поводу и без повода — апеллировали к Солону и его законам. В результате сложившаяся традиция о Солоне (в том виде, в каком мы ее теперь имеем) чрезвычайно сложна и запутана легендарными наслоениями³ (вполне естественный процесс, когда история используется в политической полемике), что крайне затрудняет для ученых исследование солоновской деятельности. Солон воспринимался как одна из парадигматических фигур прошлого и, соответственно, постоянно появлялся в политическом дискурсе. Представал он всегда как образец и идеал не только законодателя, но и гражданина в целом (см. весьма характерные пассажи: Demosth. XIX. 251–256; XX. 102–104; XX. 30–32; XXIV. 113–115). Отметим еще вот какой занятный факт: Клисфен — реформатор, по масштабу и последствиям своей деятельности вполне сопоставимый с Солоном⁴, но проводивший свои преобразования почти на век позже, — в число подобных же

² *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Historia*. 1958. Bd. 7. H. 4. S. 398–424; *Szegedy-Maszak A.* Legends of the Greek Lawgivers // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 3. P. 199–209.

³ О процессе формирования этой традиции см., в частности: *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. Vol. 11. P. 31–65; *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, “père fondateur” de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // *Museum Helveticum*. 1984. Vol. 41. Fasc. 3. P. 129–138; *Hansen M.H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.

⁴ *Stahl M., Walter U.* Athens // *A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 2009. P. 160.

парадигматичных фигур ни в малейшей степени не вошел, оказался почти забыт⁵.

В связи со сказанным упомянем об одном из эпизодов дебатов, ведшихся в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны по вопросу о том, какие политические реформы необходимо провести для увеличения эффективности управления и общего улучшения положения, становившегося угрожающим.

«Клитон... внес еще дополнительно письменное предложение о том, чтобы избранные лица... рассмотрели отеческие законы, которые издал Клисфен, когда устанавливал демократию, и чтобы, заслушав также и их, приняли наилучшее решение — потому, говорил он, что государственный строй Клисфена был не демократический, а близкий к солоновскому» (Arist. Ath. pol. 29. 3).

Как можно прокомментировать данный пассаж? Мы находимся в области внутривполитической полемики. Идет дискуссия о реформе государственного устройства, а сама эта реформа, как легко заметить, видится единственно как возвращение к какому-то моменту в прошлом — к такому, когда еще не началась пресловутая «порча». Налицо значительная мифологизированность политического сознания, с присущим миру мифа базовым представлением, согласно которому было когда-то парадигматичное «время оно»⁶.

И вопрос стоит только так: где же конкретно он, тот самый момент в прошлом, к которому оптимально было бы возвратиться? Кипят оживленные споры, и в них постоянно задействуется историческая аргументация. Возвращаться ли к порядкам Клисфена, который уже тогда имел реноме «отца афинской демократии», но при этом, как считалось, установил умеренный, а не радикальный тип народовластия? Но перед принятием столь ответственного решения вначале следовало еще разобраться с тем, что в действительности представляли собой эти самые клисфеновские порядки? Были ли они на самом деле уже демократическими или еще нет? От деятельности Клисфена (507 г. до н.э.) до описываемой дискуссии (411 г.

⁵ Интересно, что и в современной историографии он разделяет ту же незавидную судьбу. Ему, кажется, посвящено лишь одно монографическое исследование, да и то довольно давнее (*Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. Paris, 1964*), в то время как число монографий о Солоне, наверное, приближается уже к трем десяткам (именно поэтому не будем утомлять читателей их перечислением).

⁶ Эту категорию особенно детально разбирает в своих работах такой выдающийся религиовед, как Мирча Элиаде. См., например: *Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994; Он же. Аспекты мифа. М., 1996.*

до н.э.) прошел почти век, и не приходится удивляться тому, что о столь давних событиях общественное мнение имело лишь самое смутное понятие. А провести профессиональное изыскание на предмет выявления истины тоже было крайне непросто⁷.

Некоторые участники дебатов шли и дальше: а, может быть, возвращаться стоит к порядкам Солона, т. е. сделать еще шаг назад? Или отступить еще глубже в прошлое — к досолоновской политике, заведомо имевшей чисто олигархический характер? Случалось, что верх одерживали именно представители этой последней точки зрения. Во всяком случае, в Афинах конца V в. до н.э. дважды устанавливалась (мирным путем, без кровопролития) весьма жесткая олигархия (перевороты 411 и 404 г. до н.э.)⁸, хотя оба раза — ненадолго.

* * *

Разумеется, устные исторические традиции удобнее всего изучать в современных обществах, когда можно путем опросов получить детальные сведения о зарождении, формировании, эволюции этих традиций. Для более ранних эпох, в том числе для античности, такая полнота картины заведомо невозможна, поскольку мы имеем дело лишь с дошедшими до нас разрозненными звеньями некогда единой «цепочки». Да и дошли-то они, не следует забывать, не непосредственно (ясно, что мы не можем побеседовать с древним греком), а только через посредство античных авторов, т. е. письменных источников.

Так, опора почти исключительно на устные свидетельства была характерна для Геродота⁹, ибо «отец истории», реконструируя ход

⁷ Это связано с тем, что афиняне по большей части весьма небрежно относились к письменной фиксации и сохранению своих законодательных актов. Данный факт признается даже учеными, в целом занимающими по вопросу более или менее оптимистичную позицию, например: *Sickinger J.* The Laws of Athens: Publication, Preservation, Consultation // *The Law and the Courts in Ancient Greece.* London, 2004. P. 93–109.

⁸ *Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982; *Lehmann G.A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997; *Hefner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.

⁹ См. в данной связи, например: *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи Л., 1949. С. 87; *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 329 слл.; *Ruschenbusch E.* Die Quellen. S. 70 ff.; *Balcer J.M.* Herodotus and Bisitun. Stuttgart, 1987. P. 26; *Evans J.A.S.* Herodotus, Explorer of the Past. Princeton, 1991. P. 89 ff.; *Murray O.* Herodotus and Oral History // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus.*

Греко-персидских войн и сопряженных с ними процессов, практически не имел предшественников на этом поприще. Он весьма редко использовал письменные, документальные источники. Геродот вынужден был идти непроторенными путями. Традиция историописания в Элладе только-только начала складываться (в лице так называемых «логографов»¹⁰), а составление хроник, анналов, на данные которых можно было бы опираться, в греческих полисах не привилось.

Геродоту было, конечно, трудно — как любому первопроходцу. Уже гораздо легче было античным историкам следующих за ним поколений. Они имели возможность черпать информацию друг у друга, ссылаться на сформировавшуюся письменную традицию, создавать такой могучий инструмент работы, как научный аппарат. Ссылками — уважительными или критическими — на произведения предшественников переполнены книги авторов, работавших в историческом жанре на протяжении эллинистической и римской эпох: Полибия, Диодора Сицилийского, Тита Ливия и многих других¹¹.

А на кого было ссылаться Геродоту? До него не то чтобы совсем никто не писал о Греко-персидских войнах¹² — главном предмете его труда, — но, во всяком случае, никто не делал это с такой степенью фундаментальности, подробности, детализации. Сам историк тоже не являлся непосредственным очевидцем описываемых им событий: в момент изгнания персов из Эллады он был еще ребенком.

В результате, собирая необходимые сведения, ему приходилось, объезжая города и страны, в буквальном смысле слова «снимать по-

Oxford, 2001. P. 16–44; *Patzek B.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Geschichtswerk Herodots // *Klio*. 2002. Bd. 84. H. 1. S. 7–26; *Slings S.R.* Oral Strategies in the Language of Herodotus // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 53–77.

¹⁰ О некорректности этого термина применительно к первым древнегреческим историкам см.: *Суриков И.Е.* ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37. Возражения, недавно высказанные одним из коллег (*Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Нижний Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот. С. 91 слл.), неубедительны, поскольку порождены непониманием главных положений, высказанных нами в только что указанной статье.

¹¹ Впрочем, см. важные, оригинальные соображения о специфике ссылок античных историков на предшественников: *Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 11 слл.

¹² Указания на (не дошедшие до нас) исторические работы на ту же тему, созданные до Геродота или примерно одновременно с ним, см.: *Balcer J.M.* Herodotus. P. 24.

казания» со свидетелей происшедшего. Он действовал как самый настоящий следователь (впрочем, само слово «история» изначально обозначало как раз что-то вроде «следствия»). Когда же речь идет о событиях более древних, для которых заведомо невозможно было найти свидетелей, Геродот опирался на богатейшую устную традицию. То тут, то там он внимательно слушал (и, несомненно, записывал) то, что предлагали ему местные жители, — рассказы о прошлом, легенды, предания, даже анекдоты и сказки... И сохранил все это для нас — пусть не без некоторого сумбура.

Можно, конечно, сказать, что «отец истории» некритично относился к оказавшемуся в его распоряжении разнородному материалу, не был склонен отделять истину от досужих побасенок. Но вряд ли стоит порицать его за это. Ведь галикарнасец выработал специфическую, вполне сознательную позицию. Эта позиция отразилась в его известнейших словах, без учета которых просто невозможно понять Геродота: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» (Herod. VII. 152).

Иногда высказывается мнение, согласно которому бóльшим, чем обычно думают, был удельный вес письменных свидетельств среди источников, привлекавшихся «отцом истории»¹³. Но трудно согласиться с тем, что это мнение верно. Да, бесспорно, сказать, что Геродот совсем не пользовался трудами более ранних авторов — это значило бы впасть в явное преувеличение. Например, труд Гекатея Милетского он прекрасно знал. И вовсе не скрывал этого знания, ссылаясь на Гекатея, где требовалось¹⁴. Есть у него и другие ссылки

¹³ По вопросу об источниках Геродота за последнее время сложилась немалая и интересная своим полемическим характером историография. Начало дискуссии положил Д. Фелинг, в намеренно провокативной работе высказавший крайне гиперкритическое отношение к традициям, отразившимся у «отца истории»: *Fehling D. Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art.* Leeds, 1989. В продолжение дискуссии см.: *Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History.* Frankfurt a. M., 1991; *Pritchett W.K. The Liar School of Herodotus.* Amsterdam, 1993; *Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion.* Cambridge, 2000; *Bichler R. Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte.* 2. Aufl. Berlin, 2001.

¹⁴ Высокую оценку значения Гекатея для развития историографии в целом и его влияния на Геродота в частности см., например, в работе: *Heidel W.A. Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II.* New York; London, 1987. P. 119. Ср., однако, также противоположное мнение о Гекатее: *West S. Herodotus' Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies.* 1991. Vol. 111. P. 144–160. Согласно автору этой работы, достоинства Гекатея как историка преувеличены, на самом деле его фрагменты разочаровывают.

на письменные тексты. Однако подсчитано: их в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших автора изустно¹⁵. И уже сам этот факт, наверное, о чем-то говорит, отражает реальное происхождение полученных им данных. Вряд ли мы имеем право предположить, что Геродот сознательно старался преуменьшить свою опору на письменную традицию: зачем бы ему это было делать?

«Отец истории» наблюдал, задавал вопросы, побуждал очевидцев событий делиться с ним воспоминаниями, — ну, и, конечно, иногда консультировался с теми немногими папирусными свитками, которые попадали ему в руки. Подчеркнем: очень немногими, ибо многих ко времени его жизни попросту не было. Прошло лишь несколько десятилетий, как появилась историческая проза, и она, в сущности, делала первые робкие шаги.

У Геродота наиболее часты ссылки типа «По словам лакедемонян...», «Афиняне говорят...», «Как считают коринфяне...» и т.п. Конкретных имен по большей части вообще не называется. Тем труднее представить себе, что в основе таких сообщений лежит какой-то письменный источник, например, исторический труд. Потому что тогда, несомненно, были бы названы конкретные авторы, и Геродот не выражался бы столь туманно-абстрактно. Ведь не существует исторических сочинений, написанных и подписанных «афинянами» и «коринфянами». Во всех таких случаях речь явно идет о «коллективном мнении» народа того или иного эллинского (или неэллинского) государства, об устойчивой традиции, а если выразиться несколько осовремененным языком, — о «национальной мифологии».

* * *

Мы достаточно подробно остановились на проблематике, связанной с Геродотом, в том числе и потому, что прекрасно известно: этот историк был теснейшим образом связан с Афинами, неоднократно в течение своей жизни посещал их, в своем труде часто проводил точку зрения, весьма благоприятную для афинян¹⁶. А именно к афинским сюжетам мы теперь и возвращаемся.

¹⁵ Balcer J.M. Herodotus. P. 26.

¹⁶ Тема «Геродот и Афины» получила широкое освещение в современной исторической науке. Назовем лишь несколько наиболее важных исследований: *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 1955. Bd. 4. H. 1. S. 1–25; *Schwartz J.* Hérodote et Périclès // *Historia*. 1969. Bd. 18. H. 3. S. 367–370; *Ostwald M.* Herodotus and Athens // *Illinois Classical Studies*. 1991. Vol. 16. No. 1/2. P. 111–124; *Forsdyke S.*

Несмотря на отмеченные выше сложности, сопряженные с изучением устной традиции применительно к античности, в целом анализ сохранившихся данных этой традиции о некоторых ключевых периодах древнегреческой истории представляет значительный интерес. Здесь будет рассмотрена роль устной исторической памяти в самоидентификации и самооценке классической афинской демократии V–IV вв. до н.э.

В литературе уже привлекалось внимание к следующему немаловажному и интересному, даже парадоксальному обстоятельству. Афинская демократия не создала сколько-нибудь стройной и законченной теории, которая оправдывала и обосновывала бы существование этого государственного строя. Во всяком случае, такая теория не существовала в виде какого-то письменного текста¹⁷. Попытки считать некоторых афинских мыслителей, например, Фукидида, идеологами демократии¹⁸ нельзя признать достаточно убедительными. Фукидид идеального государственного деятеля видел в Перикле¹⁹ (а ведь при нем «по названию... было правление народа, а на деле власть первого гражданина», *Thuc. II. 65. 9*), а оптимальное государственное устройство — в умеренной олигархии «Пяти тысяч» (*Thuc. VIII. 97. 2*)²⁰. Что же касается крупнейших философов — таких, как Сократ²¹, Платон, Аристотель и др., — и политических теоретиков

Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // *American Journal of Philology*. 2001. Vol. 122. P. 329–358; *Moles J.* Herodotus and Athens // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 33–52; *Fowler R.* Herodotus and Athens // *Herodotus and his World*. Oxford, 2003. P. 303–318; *Surikov I.* Herodotus' Histories and Athenian Aristocracy // *International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture*. Riga, 2009. P. 32.

¹⁷ *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 32–33; *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 199.

¹⁸ *Кессиди Ф.Х.* Философия истории Фукидида. СПб., 2008; *Farrar C.* The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989.

¹⁹ *Will W.* Thucydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

²⁰ См. к проблеме также: *Raaflaub K.A.* Thucydides on Democracy and Oligarchy // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 189–222; *Нукунюк Е.В.* Фукидид и афинская демократия // *Мнемон*. 2008. Вып. 7. С. 119–134.

²¹ Об антидемократических взглядах Сократа см. в недавней работе: *Зберовский А.В.* Сократ и афинская демократия (социально-философское исследование). Красноярск, 2007. Книга страдает некоторой долей дилетантизма, но сделанные в ней выводы следует признать в целом верными. Об элитаризме и антидемократизме политических взглядов Сократа см. также: *Фролов Э.Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 83 слл.

(Псевдо-Ксенофонт²², Ксенофонт), то они занимали по отношению к демократическому правлению позицию жесткого неприятия, полного и безоговорочного: отвергали не какие-нибудь отдельные недостатки этой системы, предлагая их исправить, а всю систему как целое, полагая ее в принципе порочной и неисправимой²³.

Порой, правда, в западной историографии периодически повторяются попытки «обелить» великих мыслителей античности от этого антидемократизма, объявить, скажем, Платона или — еще чаще — Аристотеля сторонниками демократии, хотя бы в ее умеренной форме²⁴. Но попытки эти выглядят чисто тенденциозными (и даже, не побоимся этого слова, конъюнктурными)²⁵.

Особенно часто стремятся сделать «демократа» из Сократа. Так, например, по мнению Г. Властоса, известного специалиста по творчеству «афинского мудреца», это-де Платон, причем только в своих зрелых трудах, сделал из своего учителя элитистского философа, а на самом деле взгляды того были вполне демократическими²⁶. В данном случае, конечно, априорные идеологические установки тоже торжествуют над научной акрибией.

Наиболее фундаментальный анализ политических взглядов Сократа содержится в монографии Р. Краута «Сократ и государство»²⁷, и поэтому на взглядах ее автора необходимо остановиться подробнее. Р. Краут, стараясь взвешенно подходить к проблеме, утверждает, что Сократ относился к афинской демократии отчасти позитивно, а отчасти негативно, т. е. что-то в ней принимал, а чего-то не принимал. А именно: афинская демократия характеризовалась двумя главными чертами: свободой и равенством. Из этих двух

²² Имеется в виду автор дошедшей под именем Ксенофонта «Афинской политики» («Старый олигарх», как его совершенно произвольно и некорректно часто называют в западной исследовательской литературе). Недавно мы высказали предположение, что трактат в действительности был написан известным софистом и оратором Антифонтом: Суриков И.Е. Antiphoneta V: Философские фрагменты Антифона // *Studia historica*. 2010. Т. 10. С. 62 слл.

²³ Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт — «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 24.

²⁴ Например: Барнс Дж. Аристотель: краткое введение. М., 2006. С. 162; *Monoson S.S.* Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy. Princeton, 2000. Passim.

²⁵ Критику подобного подхода (применительно к Платону) см.: Rowe C.J. Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // *Journal of Hellenic Studies*. 2001. Vol. 121. P. 63–76.

²⁶ *Vlastos G.* Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, 1991. P. 48.

²⁷ *Kraut R.* Socrates and the State. Princeton, 1984. Passim.

принципиальных характеристик свобода была Сократу, естественно, симпатична (поскольку она позволяла ему беспрепятственно высказывать свои идеи), а вот равенства он не одобрял, ибо оно приводило к автоматическому господству большинства, т. е. к власти некомпетентной толпы, которую столь часто критиковал философ. Перед нами весьма интересная точка зрения, имеющая право на существование. Однако если мы ее примем, то окажемся перед противоречием. Р. Краут и сам не может не признать, что Сократ с большой похвалой отзывался о спартанском государственном устройстве. Однако в Спарте-то как раз из двух вышеназванных черт *свобода* отсутствовала, а *равенство* граждан всячески насаждалось. Должны ли мы видеть здесь непоследовательность в сократовской мысли? Или же лаконофильство Сократа (равно как и его ученика Платона²⁸) преувеличено? Проблема, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

А теперь — принципиальный вопрос: коль скоро представители интеллектуальной элиты классических Афин разделяли в той или иной мере антидемократическую идеологию и проводили ее в своих трудах, то как же в таком случае сторонники демократии (а ведь они, безусловно, имелись, и их было в полисе подавляющее большинство) осуществляли манифестацию своих ценностей? Ответ может быть только один: именно посредством устного дискурса. И это тем более естественно, что Афины в классическую эпоху (особенно в V в. до н.э.) были и в целом устным социумом. Масса демоса обладала грамотностью в степени, достаточной для того, чтобы, скажем, нанести надпись на черепке для остракизма²⁹, но явно недостаточной для того, чтобы читать серьезные теоретические трактаты³⁰.

²⁸ Ср. интересное наблюдение Дж. Диллона: моделью идеального государства у Платона скорее является не Спарта или Крит, как обычно считают (это общераспространенная точка зрения, см., например: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 272–273*), а те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, Архит в Таренте): во главе стоят правители-философы, под началом у них находится войско («стражи»), ниже следует простонародье. См.: *Диллон Дж. Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.). СПб., 2005. С. 249. О правлении Архита в Таренте см.: Huffman C.A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005. P. 8 ff.*

²⁹ Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 287 слл.

³⁰ Ср. оценку «среднестатистической» грамотности афинян классической эпохи в исследованиях: *Harris W.V. Ancient Literacy. Cambridge (Mass.), 1989; Hedrick C.W. Ancient History: Monuments and Documents. Oxford, 2006.*

Об отдельных элементах устного демократического дискурса, о котором идет речь, можно составить достаточно детальное понятие на основе имеющихся свидетельств. Так, одно из ключевых мест в афинской «демократической мифологии» устойчиво занимали фигуры «тираноубийц» Гармодия и Аристокитона. Складыванию традиции о них посвящена достаточно обильная литература³¹ (наиболее подробно и со ссылками на предшествующие исследования см.: Lavelle 1993. P. 42 ff.).

Как известно, два названных афинянина в 514 г. до н.э. из личной мести убили Гиппарха, брата тирана Гиппия, после чего были сами схвачены и умерщвлены. Они *не* свергли тиранию в своем полисе и *не* установили демократию — а между тем впоследствии в народных представлениях однозначно выступали именно в такой роли (хотя в действительности и свержение тирании, и установление демократии — инициатива Клизфена из рода Алкмеонидов). Нельзя не заметить, что уже в классическую эпоху серьезные ученые, как могли, боролись с этим устоявшимся, но противоречащим действительности мифом о «тираноубийцах». Во второй половине V в. до н.э. его опровергал Геродот (V. 55 sqq.), на рубеже V–IV вв. до н.э. — Фукидид (I. 20; VI. 53 sqq.), во второй половине IV в. до н.э. — Аристотель (Ath. pol. 18 sq.). Но все напрасно! Уже сам тот факт, что данную традицию приходилось снова и снова оспаривать, надежно свидетельствует о ее живучести.

Приведем соответствующие пассажи о «тираноубийцах», принадлежащие перечисленным выше историкам. Геродот: «Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристокитон и Гармодий, по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвозвестило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде».

³¹ См., например: Lang M. The Murder of Hipparchus // *Historia*. 1955. Bd. 3. H. 4. S. 395–407; Fitzgerald T.R. The Murder of Hipparchus: A Reply // *Historia*. 1957. Bd. 6. H. 3. S. 275–286; Podlecki A.J. The Political Significance of the Athenian “Tyranicide”-Cult // *Historia*. 1966. Bd. 15. H. 2. S. 129–141; Fornara C.W. The “Tradition” about the Murder of Hipparchus // *Historia*. 1968. Bd. 17. S. 400–424; Lavelle B.M. Herodotos and the Tyrant-Slayers // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1988. Bd. 131. H. 3/4. S. 211–215; *Idem*. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 42 ff. (в последней монографии сюжет рассмотрен наиболее подробно и со ссылками на предшествующие исследования).

Фукидид: «...Люди склонны принимать на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха, который был тираном, и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями. Но Гармодий и Аристокитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппию, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха... Народ знал (по слухам) о том, сколь свирепой стала под конец тирания Писистрата и его сыновей (к тому же тиранов свергли не сами граждане и не Гармодий, а лакедемоняне)... Поводом для отважного подвига Аристокитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. После того как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий... А то, что Гиппий, как старший, наследовал власть, я могу определенно утверждать, так как собрал из устных источников более точные сведения об этом, чем другие... С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой, и Гиппий, который после смерти брата, страшась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь... Еще три года после этого Гиппий сохранял свою тираническую власть в Афинах. На четвертом же году его низложили лакедемоняне и возвратившиеся из изгнания Алкмеониды».

Аристотель: «Делами управляли в силу своего достоинства и старшинства Гиппарх и Гиппий; при этом Гиппий как старший и как человек, от природы одаренный способностями государственного деятеля и серьезный, стоял во главе правления. Между тем Гиппарх был человек легкомысленный, влюбчивый и поклонник Муз... После этого (т.е. после убийства Гиппарха Гармодием и Аристокитоном. — *И.С.*) тирания стала гораздо более суровой, так как Гиппий, мстя за брата, многих перебил и изгнал...»

Это — факты. И тем не менее сразу после свержения тирании на афинской Агоре была установлена скульптурная группа, изображавшая Гармодия и Аристокитона. Автором статуй был Антенор; а когда Ксеркс, на краткий срок захвативший в 480 г. до н.э. Афины, увез

эти произведения искусства в Персию, афиняне заменили утраченный памятник: вместо него был воздвигнут другой, работы Крития и Несиота³². Потомки «тираноубийц» после установления демократии получили «на вечные времена» ряд почетнейших льгот и привилегий (хотя лично эти люди абсолютно ничем не блистали). К слову сказать, Алкмеониды, потомки Клисфена — реального инициатора свержения тирании и установления афинской демократии — никакими подобного рода почетными правами не пользовались³³ (хотя среди них как раз имелся ряд выдающихся деятелей). Так реальность побеждалась мифом, сотворенным не в какие-то незапамятные времена, а рождавшимся, формировавшимся и передававшимся «из уст в уста» уже на памяти первых греческих историков.

Традиция о «тираноубийцах» транслировалась³⁴ в первую очередь посредством сколиев — застольных песен, импровизированно исполнявшихся афинянами на дружеских пирушках-симпозиях³⁵. Имеется уникальный образчик полностью сохранившегося сколия (Carm. conviv. fr. 10 Page), в котором речь идет именно о Гармонии и Аристокитоне; его просто необходимо привести в работе, посвященной устной исторической традиции в рассматриваемую эпоху:

³² Именно этот последний стал хрестоматийным, воспроизводится во всех книгах по истории античного искусства. Слепок с этого действительно великолепного шедевра «строгого стиля» ранней классики имеется и в «греческом зале» ГМИИ им. А.С. Пушкина.

³³ Строго говоря, у Клисфена, насколько известно, не было сыновей, а только дочери. (См. разбор вопросов личной жизни этого реформатора в статье: *Cromey R.D. Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd. 28. N. 2. S. 129–147*; вышеупомянутая монография П. Левека и П. Видаль-Накэ (*Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène*) отнюдь не посвящена Клисфену как человеку.) Соответственно, прямого потомства по мужской линии у него и в следующих поколениях быть не могло (по женской — имелось, например, знаменитый Алкивиад.) Однако не сомневаемся, что, даже если бы таковое и было, никаких привилегий ему все равно не предоставили бы. В целом о роде Алкмеонидов, с генеалогическими таблицами, см.: *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000.*

³⁴ В связи с трансляцией традиции, особенно в преимущественно устных обществах, см. блестящую работу, посвященную совершенно иной цивилизации, но богатую наблюдениями общетеоретического характера: *Семенов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 5–32.*

³⁵ Феномен античного симпозиа в последнее время неоднократно подробно и тщательно изучался в историографии. Отметим, в частности, коллективные монографии: *Symptica: A Symposium on the Symposium / Ed. by O. Murray. Oxford, 1990*; *Symposium and Philanthropia in Plutarch / Ed. by J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster and P. Barata Dias. Coimbra, 2009.*

Под листьями мирта мечи понесем³⁶,
Подобно Гармодию с Аристокитоном,
Когда поразили тирана мечом
И равными сделали всех пред законом.
О милый Гармодий, не умер ты, нет!
На острове ныне живешь ты блаженных —
В стране, где Ахилл быстроногий живет,
Где вечно витает Тидид³⁷ благородный.
Под листьями мирта мечи понесем,
Подобно Гармодию с Аристокитоном,
Как в праздник Афины великой вдвоем
Тирана Гиппарха они поразили.
Да, вечная слава вас ждет и потом,
О милый Гармодий с Аристокитоном,
За то, что тирана сразили мечом
И равными сделали всех пред законом.

Не будем здесь детально углубляться в текстологию и критику только что приведенного перевода; общий смысл произведения он передает вполне верно, а детали для нас в данном случае не столь принципиальны. Отметим, что в сколии из раза в раз повторяется мысль, согласно которой Гармодий и Аристокитон убили *тирана*, т. е. проявляется именно афинская устная демократическая традиция — та самая, с которой спорят Геродот, Фукидид, Аристотель в приведенных выше цитатах.

Тут, возможно, имеет смысл остановиться на нюансе, который может показаться парадоксальным. Как появлялись на свет сколии? Они являли собой образчики чисто импровизированной поэзии³⁸, в полном смысле слова плоды «коллективного творчества». Один из участников симпозиума выпевал первую строку, второй на ходу придумывал следующую, третий подхватывал, четвертый продолжал и т.д. В чем в большей степени, нежели в этих моментально рождавшихся стихах,

³⁶ Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха на празднике Великих Панафинеи, на котором появляться с оружием, разумеется, запрещалось, но участники несли в дар богине ветви мирта, в которых не столь уж и трудно было спрятать меч или кинжал.

³⁷ Диомед, сын Тидея, — наряду с Ахиллом один из славнейших героев Троянской войны.

³⁸ О сколиях в контексте симпозиума см.: *Zorzetti N. The Carmina Convivalia // Symposiaca: A Symposium on the Symposion. Oxford, 1990. P. 289–307; Rösler W. Mnemosyne in the Symposion // Ibid. P. 230–237.*

могло проявиться глубинное, нерerefлектированное сознание афинских граждан, — грубо говоря, то, что они «на самом деле думали»? В этом смысле сколии (само их название, кстати, переводится как «кривые» песни, поскольку при большом количестве авторов-участников правильный стихотворный размер было практически невозможно удерживать) ждут еще своего вдумчивого исследователя, способного проследить все импликации отражавшихся в них эмоций. Пока же, к сожалению, о них даже почти не задумываются, — хотя именно в связи с проблемой устных традиций они особенно интересны.

Заметим еще, что не освещена в полной мере даже такая принципиальная проблема: действительно ли является демократичным этот народный жанр? Симпозиции, на которых исполнялись сколии, были феноменом, в общем, аристократическим; соответственно, и относительно звучавшей на них поэзии в последнее время все чаще высказывается воззрение³⁹, согласно которому это не полисно-демократическая, а элитарно-аристократическая поэзия. Даже Тиртея, которого традиционно считали «певцом полиса» по преимуществу, ныне склонны воспринимать скорее как певца элитарных слоев полиса. Вопрос, поставленный здесь, сам по себе интересен, но в рамках данной статьи вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на нем.

* * *

В процитированном выше сколии о Гармодии и Аристокитоне утверждается, что они (если на сей раз дословно передать выражения подлинника) «убили тирана и установили в Афинах равноправие»⁴⁰. Имеется в виду термин *isonomia*, которым в первой половине V в. до н.э. обозначалась афинская демократия⁴¹ (сам термин *demokratia* тогда еще не возник⁴²), и употребление в тексте сколия соответствующей лексемы говорит о том, что перед нами

³⁹ Например, особенно настойчиво — в монографии: Irwin E. Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005.

⁴⁰ Shear T.L. Ἴσονόμιος τ' Ἀθήνας ἐποιήσατ'ην: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994. P. 225–248.

⁴¹ См., например: Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 84–85; Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 112.

⁴² Впервые встречаем этот термин в труде Геродота; но первые намеки на его будущее появление — сближение в тексте корневых морфем *dem-* и *krat-* — обнаруживаются у Эсхила (Суриков И.Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15–24).

аутентичный, созданный в весьма раннюю эпоху памятник устной исторической поэзии (хоть он и дошел до нас в передаче довольно позднего автора — Афиней).

Концепция исономии (это слово буквально означает «равнозаконие», т. е. равенство перед законом), насколько можно судить, возникла первоначально в аристократических кругах как символическое обозначение некоего элитарного равенства; оно противопоставлялось единовластию одного, т. е. тирании. Но в ходе «афинской революции» 508–507 гг. до н.э.⁴³, когда установилась демократия, демос придал понятию исономии более широкое значение — распространил политическое равноправие на всех членов гражданского коллектива.

Сколии, повторим, были заметным явлением устной культуры классических Афин. Интересно, в частности, что тот же Аристотель, которого отличало внимательное и скрупулезное отношение к источниковой базе своих исторических работ⁴⁴, пользовался информацией, почерпнутой из сколиев, и делал на ее основе ответственные выводы.

Вот образчики отрывков из сколиев, цитируемых Аристотелем:

Ах, Липсидрий, ах, друзей предатель!
Ты таких воителей отважных
Погубил там — знать-то всю какую!
Впрямь они там род свой оправдали!
(Arist. Ath. pol. 19. 3)

Это — о неудачной попытке Алкмеонидов и их сторонников свергнуть тиранию Гиппия около 513 г. до н.э. Заняв крепостцу Липсидрий, повстанцы были, однако, выбиты оттуда превосходящими силами тирана. Другой сколий повествовал о еще одном знатном борце с тиранией, Кедоне, о котором, к сожалению, больше ничего не известно:

И за Кедона налей, виночерпий: всегда его помни,
Если за добрых мужей очередь кубок налить.
(Arist. Ath. pol. 20. 5)

Еще большее значение для воспроизводства и пропаганды демократической идеологии имели другие памятники устной традиции — эпитафии (*epitaphioi logoi*), надгробные речи, которые еже-

⁴³ Об этой демократической революции см. наиболее подробно: *Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.*

⁴⁴ См., например: *Суриков И.Е. «История» Геродота как источник для Аристотеля // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 314–318.*

годно произносились на публичных похоронах афинских граждан, погибших в сражениях⁴⁵. Жанр эпитафиев зародился, возможно, еще во времена Солона⁴⁶, но в V–IV вв. до н.э. он достиг высшего пика развития, к тому же получил вполне институциональный характер.

В нашем распоряжении имеются несколько образчиков эпитафиев, получивших письменную фиксацию. Самый знаменитый из них — это, бесспорно, «Надгробная речь» Перикла в передаче Фукидида (II. 35–46)⁴⁷. Полностью или частично дошли также эпитафии, составленные такими видными мастерами красноречия, как Горгий, Лисий, Демосфен, Гиперид; к той же категории текстов относится «Менексен» Платона (возможно, имеющий пародийный характер). Все эти памятники, впрочем, не вполне типичны — именно в том смысле, что они были записаны. В целом же об эпитафиях можно говорить как о произведениях устного ораторского искусства, причем они создавались и произносились, повторим, каждый год.

В типичных надгробных речах основной акцент делался на истории Афин, прежде всего на истории военно-политической. В них развертывалась широкая картина, демонстрирующая воинскую доблесть афинян, их всегданнюю готовность помочь всем, кто подвергается обидам; они представляли в образе постоянных «освободителей эллинов». Этот тезис богато иллюстрировался историческими примерами, которые брались, с одной стороны, из далекого, легендарного прошлого, с упоминанием таких парадигматичных фигур, как Тесей, Кодр и т.п., а с другой стороны — из эпохи Греко-персидских войн. Н. Лоро удачно называет традицию эпитафиев «афинской историей Афин»⁴⁸. В этих памятниках Афины всегда на переднем плане, они выступают едва ли не как главная действующая сила истории.

⁴⁵ В целом об этом жанре см.: *Loroux N. L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique*. Paris, 1981 (наиболее фундаментальное исследование по проблеме); *Ziolkowski J. Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens*. New York, 1981.

⁴⁶ *Weber L. Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede*. Frankfurt a. M., 1935; *Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства*. М., 2004. С. 122 слл.

⁴⁷ См. об этом памятнике: *Bosworth A.B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration* // *Journal of Hellenic Studies*. 2000. Vol. 120. P. 1–16; *Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage* // *American Journal of Philology*. 2001. Vol. 122. P. 505–525; *Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 2004. Bd. 147. H. 1. S. 26–34.

⁴⁸ Ср. также: *Суриков И.Е. «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции* // *Локальные исторические культуры и традиции историописания*. М., 2011. С. 11–36.

Остановимся чуть подробнее на «Менексене» Платона. В отличие от большинства других ранних платоновских («сократических») сочинений⁴⁹, имеющих, как правило, вполне диалогичное построение, большую часть «Менексена» занимает монолог Сократа, представляющий собой подражание (или, согласно другой точке зрения, пародию) афинским надгробным речам. Эти последние, как отмечалось, представляли собой весьма интересные памятники устной исторической традиции⁵⁰ (лишь единичные из них записывались). Причем, что следует специально подчеркнуть, традиции конкретно афинской, направленной на воспевание и прославление Афин, трактующей все упоминаемые события со специфически афинской точки зрения. Говорили эти надгробные речи, повторим и подчеркнем, афиняне для афинян и об афинянах.

Не приходится поэтому удивляться тому, что Сократ, перед тем, как начать речь, делает несколько иронических замечаний — в присутствии ему духе⁵¹, — в частности, следующее: «Если бы нужно было превознести афинян перед пелопоннесцами или же пелопоннесцев перед афинянами, требовался бы хороший оратор, умеющий убеждать и прославлять; когда же кто выступает перед теми самыми людьми, коим он воздает хвалу, недорого стоит складная речь» (Plat. Menex. 235d). В ответ на удивление собеседника Сократа — юного Менексена⁵², Сократ акцентированно и категорично повторяет: «...И любой обученный хуже меня... был бы вполне в состоянии превознести афинян перед афинянами (Ἀθηναίους γε ἐν Ἀθηναίους ἐλαϊνῶν)».

Жанр эпитафия, таким образом, характеризовался высокой исторической «насыщенностью» (разумеется, история, представавшая в этих речах, была крайне субъективной и тенденциозной историей). Закономерно, что афинские эпитафии V в. до н.э., как мы показываем в другом месте⁵³, оказали немалое влияние на первые этапы формирования древнегреческого историописания, в том числе на творчество Геродота.

⁴⁹ См. о контрасте «сократических» диалогов Платона с его же более поздними сочинениями: *Vlastos G. Socrates*. P. 45 ff.

⁵⁰ Ср.: *Суриков И.Е.* Афинская демократия и устная историческая традиция // ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 247–252.

⁵¹ О сократовской иронии см. прежде всего: *Vlastos G. Socrates*.

⁵² О нем см.: *Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis, 2002. P. 202–203.

⁵³ *Суриков И.Е.* ЛОГОГРАΦΟΙ.

В статье был затронут целый ряд, в общем, взаимосвязанных сюжетов. Надеюсь, нам удалось показать, что устная историческая традиция, проявлявшаяся в различных формах, принадлежала к интегральным элементам афинской демократической идеологии. Та роль, которую для противников демократии играли, скажем, труды по политической теории, принадлежавшие Платону, Аристотелю⁵⁴ и др., для сторонников этого государственного устройства выполнялась повседневным устным общением.

Роль живого слова в полисных условиях была колоссальной. Это, собственно, общеизвестный факт, вряд ли нуждающийся в специальных доказательствах. Вполне закономерно, что именно в классической Греции появилась риторика — наука об ораторском искусстве⁵⁵. А разве где-нибудь, кроме Афин V в. до н.э., мог возникнуть феномен Сократа — одного из величайших философов в мировой истории, который при этом не написал ни одного философского труда, а излагал свои идеи исключительно в устной форме? Да, Сократ не был сторонником афинской демократии, но он был в полном смысле слова ее порождением. Причем следует специально оговорить, что речь идет именно о демократии V в. до н.э., ибо уже в следующем столетии во всех сферах жизни афинян письменный элемент сильно увеличил свою роль в ущерб устному⁵⁶.

⁵⁴ Именно школа Аристотеля стояла, например, за афинскими олигархическими переворотами 322 и 317 гг. до н.э. См.: *Lehmann G.A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150.*

⁵⁵ Древнегреческая риторика (как и риторика в целом) все чаще в последнее время привлекает внимание исследователей. Укажем, например, коллективные монографии: *Persuasion: Greek Rhetoric in Action / Ed. by I. Worthington. London; New York, 1994; A Companion to Greek Rhetoric / Ed. by I. Worthington. Oxford, 2007.* Связь между афинской риторикой, демократией, демократической идеологией особенно четко прослежена в работе: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.*

⁵⁶ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: *Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora, Vol. 27). Princeton, 1995. P. 21–42; Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995. S. 175–198.*

- Барнс Дж.* Аристотель: краткое введение. М., 2006.
- Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003.
- Диллон Дж.* Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.). СПб., 2005.
- Зберовский А.В.* Сократ и афинская демократия (социально-философское исследование). Красноярск, 2007.
- Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
- Кессиди Ф.Х.* Философия истории Фукидида. СПб., 2008.
- Никитюк Е.В.* Фукидид и афинская демократия // Мнемон. 2008. Вып. 7. С. 119–134.
- Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Нижний Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот.
- Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000.
- Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15–24.
- Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И.Е.* ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.
- Суриков И.Е.* Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть I // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11. С. 5–25.
- Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.
- Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009.
- Суриков И.Е.* «История» Геродота как источник для Аристотеля // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 314–318.
- Суриков И.Е.* Antiphoneta V: Философские фрагменты Антифонта // Studia historica. 2010. Т. 10. С. 25–65.
- Суриков И.Е.* Афинская демократия и устная историческая традиция // ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 247–252.
- Суриков И.Е.* «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 11–36.

- Туманс Х. Псевдо-Ксенофонт — «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 14–27.
- Фролов Э.Д. Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996.
- Balcer J.M. Herodotus and Bisitun. Stuttgart, 1987.
- Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // American Journal of Philology. 2001. Vol. 122. P. 505–525.
- Bichler R. Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2 Aufl. Berlin, 2001.
- Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 27). Princeton, 1995.
- Bosworth A.B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // Journal of Hellenic Studies. 2000. Vol. 120. P. 1–16.
- A Companion to Greek Rhetoric / Ed. by I. Worthington. Oxford, 2007.
- Cromey R.D. Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd. 28. H. 2. S. 129–147.
- David E. Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // Museum Helveticum. 1984. Vol. 41. Fasc. 3. P. 129–138.
- Evans J.A.S. Herodotus, Explorer of the Past. Princeton, 1991.
- Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989.
- Fehling D. Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989.
- Fitzgerald T.R. The Murder of Hipparchus: A Reply // Historia. 1957. Bd. 6. H. 3. S. 275–286.
- Fornara C.W. The "Tradition" about the Murder of Hipparchus // Historia. 1968. Bd. 17. S. 400–424.
- Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // American Journal of Philology. 2001. Vol. 122. P. 329–358.
- Fowler R. Herodotus and Athens // Herodotus and his World. Oxford, 2003. P. 303–318.
- Hansen M.H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // Classica et mediaevalia. 1989. Vol. 40. P. 71–99.
- Harris W.V. Ancient Literacy. Cambridge (Mass.), 1989.
- Hedrick C.W. Ancient History: Monuments and Documents. Oxford, 2006.
- Heidel W.A. Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. New York; London, 1987.
- Heftner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.
- Huffman C.A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005.

- Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005.
- Kraut R.* Socrates and the State. Princeton, 1984.
- Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.
- Lang M.* The Murder of Hipparchus // *Historia*. 1955. Bd. 3. H. 4. S. 395–407.
- Lavelle B.M.* Herodotos and the Tyrant-Slayers // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1988. Bd. 131. H. 3/4. S. 211–215.
- Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993.
- Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 139–150.
- Lehmann G.A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997.
- Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l’Athénien. Paris, 1964.
- Loraux N.* L’invention d’Athènes: Histoire de l’oraison funèbre dans la cité classique. Paris, 1981.
- Moles J.* Herodotus and Athens // *Brill’s Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 33–52.
- Monoson S.S.* Plato’s Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy. Princeton, 2000.
- Mossé C.* Comment s’élabore un mythe politique: Solon, “père fondateur” de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437.
- Murray O.* Herodotus and Oral History // *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 2001. P. 16–44.
- Nails D.* The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002.
- Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.
- Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.
- Ober J.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.
- Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. Vol. 11. P. 31–65.
- Ostwald M.* Herodotus and Athens // *Illinois Classical Studies*. 1991. Vol. 16. No. 1/2. P. 111–124.
- Patzek B.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Geschichtswerk Herodots // *Klio*. 2002. Bd. 84. H. 1. S. 7–26.
- Persuasion: Greek Rhetoric in Action* / Ed. by I. Worthington. London; New York, 1994.
- Podlecki A.J.* The Political Significance of the Athenian “Tyrannicide”-Cult // *Historia*. 1966. Bd. 15. H. 2. S. 129–141.

- Pritchett W.K.* The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993.
- Raaflaub K.A.* Thucydides on Democracy and Oligarchy // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 189–222.
- Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007.
- Rösler W.* Mnemosyne in the Symposium // *Sympotica: A Symposium on the Symposium*. Oxford, 1990. P. 230–237.
- Rowe C.J.* Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // *Journal of Hellenic Studies*. 2001. Vol. 121. P. 63–76.
- Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Historia*. 1958. Bd. 7. H. 4. S. 398–424.
- Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // *Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1975. S. 67–77.
- Schütrumpf E.* Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 271–300.
- Schwartz J.* Hérodote et Périclès // *Historia*. 1969. Bd. 18. H. 3. S. 367–370.
- Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 175–198.
- Shear T.L.* Ἴσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποιήσατιν: The Agora and the Democracy // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 1994. P. 225–248.
- Sickinger J.* The Laws of Athens: Publication, Preservation, Consultation // *The Law and the Courts in Ancient Greece*. London, 2004. P. 93–109.
- Slings S.R.* Oral Strategies in the Language of Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 53–77.
- Stahl M., Walter U.* Athens // *A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 2009. P. 138–161.
- Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 1955. Bd. 4. H. 1. S. 1–25.
- Surikov I.* Herodotus' *Histories* and Athenian Aristocracy // *International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture*. Riga, 2009. P. 32.
- Symposium and Philanthropia in Plutarch* / Ed. by J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster and P. Barata Dias. Coimbra, 2009.
- Sympotica: A Symposium on the Symposium* / Ed. by O. Murray. Oxford, 1990.
- Szegedy-Maszak A.* Legends of the Greek Lawgivers // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 3. P. 199–209.

- Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000.
- Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a. M., 1991.
- Vansina J.* Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. London, 1965.
- Vlastos G.* Socrates, Ironist and Moral Philosopher. Ithaca, 1991.
- Weber L.* Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede. Frankfurt a. M., 1935.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 144–160.
- Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.
- Winton R.* Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. Bd. 147. H. 1. S. 26–34.
- Ziolkowski J.* Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. New York, 1981.
- Zorzetti N.* The Carmina Convivalia // Symptica: A Symposium on the Symposium. Oxford, 1990. P. 289–307.

Igor Surikov

CLASSICAL ATHENIAN DEMOCRACY AND ORAL HISTORICAL TRADITION

Athenian democracy generated no written political theory of itself, at least in a developed form. Its supporters manifested their values through oral discourse. Important elements of such a discourse were, for example, *skolia* and funeral orations. Oral historical tradition, especially in the fifth century B.C., was among integral parts of the democratic ideology.

Key words: Athens, democracy, oral tradition, political ideology, *skolia*, funeral orations, history, Herodotus, Harmodius and Aristogiton.